

СЕРГЕЙ САМАРОВ

«НЕПОЗНАННОЕ»

ОТЧУЖДЕНИЕ:
ТОЧКА КОНТАКТА

Бушков. Непознанное

Сергей Самаров

Отчуждение: точка контакта

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Отчуждение: точка контакта / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-699-94800-0

Подразделение спецназа ГРУ столкнулось с противником, какого еще не знало человечество, и от одного вида которого может охватить паника. Но самое страшное – это разум врага. Непостижимый. Абсурдный. Лишенный какой бы то ни было логики. И потому – коварный и разрушительный. Спецназовцы превзошли самих себя и сделали невозможное, чтобы захватить инициативу. Но когда чаша весов уже начала склоняться в пользу бойцов ГРУ, из отряда таинственным образом стали пропадать люди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94800-0

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	20
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Отчуждение: точка контакта

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Только-только выведя из Резервации, как негласно стали называть Землю Отчуждения, свой взвод и четверых летчиков с подбитых инопланетянами самолетов, старший лейтенант Троица вынужден вернуться обратно. Он лучше других изучил это место. Он уже знает, какие опасности поджидают там людей. Кроме того, перед старшим лейтенантом поставлена задача, решить которую он считает своим долгом, – найти и освободить из инопланетного плена солдат-пограничников. При этом старший лейтенант получает и другое важное задание – собрать научные материалы о тех, кто появился на Земле: какими они обладают технологиями и можно ли российским ученым использовать эти технологии. Но ситуация складывается так, что неведомые существа похищают сначала младшего сержанта из взвода Троицы, потом бойцов, добровольно отправившихся за своим командиром, а также офицеров отдельной мобильной группы, которых повел за собой Троица. В итоге со старшим лейтенантом остается только командир отряда майор Медведь. Казалось бы, им уже не до научных поисков, важнее освободить своих подчиненных, да и выполнить задуманное вдвоем чрезвычайно сложно. Но они знают испытанный способ попасть в стан врага – вызвать огонь на себя...

Пролог

Я успел выспаться, несмотря на то что свободно и расслабленно вытянуть ноги, как я привык, в багажнике броневедомобиля «Тигр» было сложно. Пришлось спать, свернувшись по-собачьи клубком. Плохо, что нет хвоста, чтобы прикрыть нос, потому что в багажнике стояла канистра с соляркой и сильно воняла. Тем не менее я устроился вполне удобно. Благо, гибкость тела позволяла мне это. К четырехчасовой норме я уже давно привык. И потому проснулся за пару минут до того, как дверца багажника открылась, и грубый голос майора Медведя произнес:

– Вставай, Троица. Пора...

Машину я покинул с помощью несложного акробатического трюка, через голову и плечо вывалившись из дверцы так, чтобы перед командиром своей группы, выпрямившись, не просто встать на ноги, а сразу по стойке «смирно».

– Готов, товарищ майор! Отоспался на неделю вперед...

– Молодец, старлей. Иди в штабную машину. С тобой командующий поговорить хочет.

Штабная машина, как я догадался, это стоящий неподалеку второй броневедомобиль с черными, полностью тонированными стеклами. Два броневедомобиля вместе так и стояли здесь, когда мой взвод вышел из Резервации в Полосу Отчуждения. Тогда еще рядом стояло несколько «автозаков» для перевозки пленных бандитов, которых мы ранеными вынесли на самодельных носилках. Здесь же ждала машина «Скорой помощи», чтобы этим раненым оказать квалифицированную первую помощь.

К сожалению, я и мои бойцы хорошо обучены раны наносить, но плохо обучены их зализывать и вообще облегчать страдания раненым. Я сам, например, помню, когда получил касательное ранение осколком в бедро, сам себе швы наложил, прикрыл ватным тампоном, потом перемотал бинтом поверх штанины и посчитал, что этого достаточно для продолжения боя. Врач потом удивлялся, как я сам себе тогда бедренную артерию не порвал. Швы были наложены вплотную к артерии. Не зная достаточно анатомию, сунулся в хирургическую практику, как в реку, не зная бродя. Что-то похожее мы могли бы натворить и сейчас, желая стать милосердными. И потому я милосердие взводу запретил.

И еще тогда, когда мы прибыли к этим двум броневедомобильям «Тигр», в нашу сторону направлялось два автобуса. Один, как я понял, для четверых летчиков, один для моего взвода – разделение неравномерное, но играла роль армейская субординация. И мои бойцы, и летчики, и бандиты вскоре должны были встретиться в Карантине. Но автобус с солдатами, как я видел, так до сих пор и не уехал. Возможно, водителю, как и мне, потребовался сон перед дорогой.

– А что, мой взвод отправлять не думают? – поинтересовался я у майора Медведя.

В ответ он пробормотал что-то невнятное. Как я понял, солдаты пожелали дожидаться моего пробуждения, не захотели оставлять меня здесь одного, хотели, чтобы я дал им конкретное приказание. Я так и не понял, они что, не пожелали слушать приказания командующего спецназом ГРУ, или полковник Мочиллов сам разрешил им на время моего сна задержаться?

Штабной броневедомобиль внешне был новее второго, в котором я спал, не был забрызган грязью, торжественно блестел черным лаком и зеркальными стеклами, в которые я попробовал заглянуть. Но увидел только свое отвратительно седое и небритое отражение. Еще более седое, видимо, чем в действительности, из-за черноты тонировки стекла.

А внутри штабной «Тигр» показался мне более просторным, чем снаружи. Хотя внешне ничем, кроме номера и чистоты боков, от своего собрата не отличался. Внутри не оказалось заднего ряда сидений. А достаточно большой багажник стал частью салона, в котором только на боковых стенах и дверцах были видны небольшие откидные сиденья, а посреди салона стоял

стол с компьютером и радиотелефоном и лежали развернутые карты, над которыми склонился какой-то немолодой капитан с недобрый колющим взглядом.

Сам командующий сидел с торца стола на сиденье, вмонтированном в заднюю дверцу, откинувшись назад и прислонившись затылком к стеклу. Выглядел полковник усталым, словно только что вернулся из Резервации, куда ходил в составе моего взвода, бегал вместе с нами через хребты и три ночи подряд не спал. Глаза командующего были полузакрыты, дышал он ровно, как дышат спящие дети. Но не храпел. Храп для спецназовца – опасность выдать себя в засаде. И потому храпунов у нас не держат даже на штабных и командных должностях. Чтобы дурной пример не подавали.

Я посмотрел на капитана, ожидая, что тот хотя бы кивком головы попросит дать командующему вздремнуть и своим недобрый взглядом выставит меня из машины. Может быть, капитан так и поступил бы, если бы полковник Мочиллов не открыл глаза и не спросил меня ясным, совсем не сонным голосом:

– Выспался, Троица?

– Так точно, товарищ командующий. Выспался...

– И отлично. Я вот тоже, хотя не спал всего одну ночь, вздремнуть себе позволил. Возраст свое берет. Пора, видимо, на пенсию.

Я промолчал. Возраста командующего я не знал, хотя выглядел он вполне спортивно и подтянуто. А говорить подобающие случаю комплименты я не обучен.

– Заходи в машину, присаживайся...

Я вошел в салон, сел на откидное сиденье напротив капитана, держась прямо и всем своим видом показывая полное внимание. Командующий немного повеселел. И даже спросил с легкой усмешкой:

– Как ты умудрился настолько не угодить Академии наук, что они готовы тебя выдвинуть на Нобелевскую премию?

– Чем я им так не угодил, товарищ полковник? – удивился я, не собираясь, впрочем, от Нобелевской премии отказываться.

– А чем ты им минный ящик набил? Обещал только минимальные пробы, по чуть-чуть всякого-разного, а сам перестарался. Ящик едва выдержал, гвозди вырывать стало при транспортировке. И зачем-то засыпал *этим* все другие пробы. Ученые едва-едва смогли выковырять их...

– Ничего подобного, товарищ полковник. Могу даже перечислить, что я в ящик уложил... Это, в первую очередь, два куска металла, как я подозреваю, внешней обшивки противостоящих друг другу космолетов. Я подумал, что металл разный, и потому представил для анализа оба куска. Куски были упакованы в пластиковые пакеты. Правда, пакеты для мусора, но других у нас не было... Мы их обычно по назначению используем, когда упаковки от сухого пайка закапываем. Потом положил туда же две стандартные солдатские фляги с пробями воды из ручьев, как просили – из разных. Один ближе к падению космолета, другой с удаленного места, но над которым они пролетали. И в стеклянной баночке, отдельно от всего, скребок со следа, оставляемого «гуляющим дымом»...

Командующий остановил мои воспоминания, показывая малый интерес к этим предметам, взял со стола трубку смартфона и набрал номер, видимо, тот, по которому недавно разговаривал.

– Сам объяснишь сейчас профессору. Встречу я обеспечить не сумел, поскольку ты дал согласие на участие в новой операции и свободного времени, следовательно, не имеешь. Профессор просил хотя бы обеспечить ему возможность поговорить с тобой по телефону. Хочет что-то выяснить. Важное для науки...

На звонок ответили. Командующий поднял смартфон к уху.

– Виталий Витальевич, полковник Мочиллов беспокоит. Вот передо мной сейчас сидит старший лейтенант Троица. Он готов ответить на ваши вопросы и выслушать ваши просьбы. Только постарайтесь надолго его не занимать. Старшего лейтенанта уже дожидается целый зоопарк, чтобы отправиться в Резервацию, как они это место называют. Да-да... Именно – зоопарк... Майор Медведь, капитан Волков, старший лейтенант Лисин. А в дополнение к этому еще и старший лейтенант Троица, вероятно, с частью солдат своего взвода.

Фразу относительно «зоопарка» я почти расшифровал. Это, видимо, состав группы, с которой я должен пойти в Резервацию. А вот при чем здесь солдаты моего взвода, я еще не понял и посмотрел на командующего быстрым вопросительным взглядом. При этом вспомнил и неясные недавние объяснения майора Медведя по тому же поводу.

Но полковник вместо ответа просто протянул мне трубку, чтобы я поговорил с профессором.

Я взял трубку и негромко представился:

– Старший лейтенант Троица. Владимир Александрович меня зовут. Слушаю вас внимательно.

Такое представление – по имени-отчеству – возможно было, конечно, только при разговоре с гражданским лицом, поскольку оно категорично не уставное. Но я так и понял, что говорю с человеком гражданским. Однако мой собеседник, обладатель густого баса, каким часто говорят внешне совсем не крупные люди, представился совсем для меня неожиданно:

– Генерал-лейтенант Вильмонт, Виталий Витальевич.

Так высоко я еще не взлетал, чтобы моей персоной генерал-лейтенанты интересовались. Даже генерал-майоры ни разу ко мне со своими вопросами не обращались. Случалось, другие старшие офицеры передавали мне их распоряжения, и это только говорило о том, что некий генерал-майор знает о моем существовании и заинтересован в результатах моей деятельности. А тут – генерал-лейтенант! Было впору возгордиться. На секунду даже дыхание сперло. В этот момент мне потребовалось все присутствие духа офицера спецназа ГРУ, чтобы удержать себя в руках. А Виталий Витальевич тем временем продолжал:

– Владимир Александрович, расскажите мне, что вы положили в контейнер для отправки к нам. Что и в каком количестве, в какой упаковке?

Он требовал подробностей. Я снова все перечислил. Память мне пока еще не изменяла, несмотря на седые волосы. Но генерал-лейтенанта, как мне показалось, волновали конкретные подробности:

– Эта баночка, куда вы положили скребок со следа «гуляющего дыма», была закрытая?

– Конечно, там металлическая крышка завинчивалась.

– А сама баночка была чистая? Внутри ничего не было?

– Внешне – да. Эта баночка принадлежала солдату моего взвода. Он носил в ней сахар. Сладостен такой от природы. Любит добавлять сахар против нормы. Солдат сахар переложил в карман, сахарные крошки из банки вытряхнул, стекло протер изнутри сухой тряпочкой. Кажется, бинтом. Когда я собрал скребок следа, а собирал я его ножом, потому что след сжигал перчатку, – я проверил. В баночке след был только на самом дне. Стекло не плавилось, держало его нормально. В рюкзаке я баночку переносил в стоячем положении, иначе она в кармашек не помещалась. Значит, крышки содержимое не касалось. Крышка у меня вызывала опасение – она из тонкого металла. Металлический нож не пострадал, но крышка было намного тоньше, к тому же – это не легированная сталь, а какой-то, скорее всего, алюминиевый сплав. До Полосы Отчуждения я донес все нормально. Но в ящике, когда я пробы туда уложил, закрепить баночку было нечем, и потому я проложил ее другими пробами, просто прижал лапами елей и мешочками с землей. А что случилось, товарищ генерал?

Я так и не понимал, для чего генерал ведет такой подробный допрос. Если бы понимал, возможно, смог бы что-то толковое сказать.

– Баночка при транспортировке раскололась. Возможно, не раскололась, а была раздавлена изнутри или снаружи, мы пока определить это не можем. Ее сначала везли на машине на аэродром, потом на самолете в Москву, потом снова на машине в Подмоскowie, в нашу лабораторию. Возможно, сам контейнер переворачивали вверх дном. Меня интересует, в какой момент баночка перевернулась и сама проба, то что вы называете «скребком», проела металл крышки и вывалилась в ящик. Это мы у себя в лаборатории рассматриваем, как один из вариантов. При этом ящик не загорелся, а только в отдельных местах слегка как будто поджарился. Но нам подсказали, что это ящик из-под артиллерийских снарядов или из-под мин и он имеет противопожарную пропитку. А вот проба отчего-то разрослась в гигантских масштабах, заполнила весь ящик и начала его активно разламывать, вырывая гвозди из мест крепления. Мы подозреваем, что произошла какая-то бурная реакция. Возможно, в баночке остались частицы сахара. Это возможно? Мог солдат не слишком аккуратно баночку протереть?

– Это возможно, товарищ генерал. Мелкие частицы незаметны. Хотя мне, как и солдату, показалось, что баночка чистая. Извините, но мы использовали только то, что у нас было под рукой.

– Ни вас, ни солдата никто не обвиняет. Реакция могла стать следствием взаимодействия вашей пробы с пропиткой дерева. Два химических соединения не обязательно должны относиться один к другому дружелюбно. Это могло произойти в том случае, если баночка разбилась просто при транспортировке. Ящик, как я сказал, могли переворачивать. Отдельного предупреждения на этот счет не делалось, поскольку никто не подозревал, что может случиться.

– А что это вообще за вещество? – задал я интересующий меня вопрос.

– Этого точно никто пока сказать не может. Мы знаем только, что это какое-то кремниевое соединение, находящееся в довольно странном, неизвестном земной науке состоянии, и при этом – мощнейший проводник информации. Вы что-нибудь о кремнии знаете? Я не говорю о том, что первобытные люди с его помощью костер разводили. Я имею в виду современное его использование.

– Практически ничего, товарищ генерал. Кроме того, что кремний используется для карт памяти в компьютерах. И на кремниевой основе, кажется, компьютерные процессоры делают... Вот и все. Это не мой профиль работы...

– Да. Вы ничего о кремнии не знаете и в то же время знаете очень много, судя по вашим комментариям к видеозаписи. Вы что, всерьез решили, что эти, как вы их назвали, «гуляющие дымы» разумны?

– Судя по тому, как они выбирали себе путь при подъеме на хребет, я имел право высказать такое предположение, – ответил я не очень уверенно. – Но это было образное выражение. Я не делал категоричных выводов.

– А я из вашего комментария сделал такой вывод, Владимир Александрович, – вы поняли, что имеете дело с процессором на кремниевой основе, и понимаете, что в него заложена конкретная программа, которая заставляет его так себя вести. – Профессор высказал свое мнение, как прокурор высказывает обвинение. Так, по крайней мере, мне показалось.

– Это, товарищ генерал, слишком сложно для офицера спецназа ГРУ, владеющего компьютером только на «юзерском»¹ уровне.

– Тем не менее наши специалисты пришли к выводу, что это вещество, как вы правильно решили, имеет собственную программу и старается ей следовать. В настоящее время специалисты смежной с нами лаборатории ГРУ пытаются скачать с вашей пробы программу, чтобы прочитать ее без помех. Беда в том, что сам носитель программы, по всей вероятности, тот столб дыма, который вы обозвали «гуляющим», а проба представляет собой только след деятельности программы. Какого, говорите, цвета был дым?

---

¹ «Юзерский» – производное от слова «юзер», то есть пользователь.

– Бело-сиреневый, товарищ генерал.

– Понятно. Цвет, только отчасти характерный для кремниевых соединений. Короче говоря, Владимир Александрович, к вам в течение часа прибудет вертолет «МИ-26», который доставит камеру, способную делать снимки для спектрального анализа, – спектрофотометр. И вы обязательно должны будете сфотографировать такой столб. Найти и сфотографировать несколько раз. Это очень важно для науки.

– А если они все уже прогорели? – спросил я. – Дым – это, скажем так, послесловие огня. А любой огонь требуется чем-то подпитывать. К моменту нашего возвращения в Резервацию думы могут полностью иссякнуть.

– Наши специалисты уверенно заявляют, что столбы эти в состоянии дымить без всякой подпитки в течение, вероятно, нескольких месяцев. – Генерал-лейтенант спокойно и без интеллигентского напряжения сообщил мне, что я дурак, а дураку вовсе не обязательно объяснять то, что он все равно не поймет. С точки зрения уважения к профессорскому званию генерала я мог бы с ним согласиться. Я тоже не всегда обязан сообщать солдатам все свои действия и соображения. И даже не считая их дураками. И потому допустил, что генерал и меня таковым откровенно не считал, а просто ему было сложно объяснить мне то, в чем он сам не специалист. И мне не стоит слишком сильно возноситься. Нобелевская премия мне все равно не светит. – По вашей видеозаписи сделан спектральный анализ. Судя по всему, горение происходит медленное, и продукт не сгорает полностью, то есть может еще долго чадить.

– Хорошо, товарищ генерал. Я понял. Сделаю снимки.

– Столб дыма... Из него какую-то пробу вытащить, я думаю, не удастся. Лично я не вижу варианта, как это сделать. Мы даже не знаем, какая там субстанция внутри, насколько она пластичная и сохраняемая вне определенного количества. Но вот вместе с камерой вам привезут прибор, который, если получится, может скачать с дыма часть его внутренней программы. В любом случае за результат вы не беспокойтесь. Это наши проблемы. Однако попробовать стоит. Но ставить или даже держать прибор следует не дальше метра от источника, что, как мне видится, несколько опасно. Прибор, предупреждаю, дорогой. Будет лучше и для вас, и для меня, если он не сгорит в дыму. Не рискуйте такой техникой. А в остальном все задания – прежние. Пробы воды желательно взять на тех же самых местах, где вы их брали в первый раз, и обозначить на флягах номера, как вы в первый раз сделали. Мы это заранее, к сожалению, не обговаривали. Сможете найти место? Оба места...

– Без проблем, товарищ генерал. У меня память профессионального военного разведчика. Она и через год не подведет, не то что через день.

Это не было хвастовством. У меня и в самом деле была память профессионального военного разведчика, и я мог на эту память положиться. Однако я, сам не знаю для чего, отметил на карте в своем планшетнике места, где брал пробы. Но сообщать об этом генералу, решил я, ни к чему. Пусть считает, что я только на память полагаюсь.

– Вот и отлично.

– Я понял, товарищ генерал. Выполню все задания.

– Главное, побольше снимайте на камеру. И то, о чем я вас, Владимир Александрович, просил, выполните. Сам процесс тоже снимайте на видео. И все, что будет представляться непонятным и внеземным, тоже снимайте. Абсолютно все. У спектрофотометра, который вам доставят, большая карта памяти, потому не стесняйтесь. Еще одно задание, товарищ старший лейтенант... Вы должны будете найти точно такой же след, с какого делали «скребок».

– В том же месте?

– Это не обязательно. И насыпьте на след сахар. У вас есть с собой сахар?

– Входит в сухой паек. Всегда можно порцию выделить.

– Вот и насыпьте. И снимите последующую реакцию на свой планшетник. Какой бы она ни была. Даже если ее вообще не будет – это тоже следует снять. Отрицательный результат в любом исследовании – это тоже результат. Он показывает, какой путь лишен перспективы.

– Я понял, товарищ генерал. Это все?

– Некоторые подробности вам расскажет инструктор, который прилетит к вам с посылкой. Я там еще кое-что говорил вашему командующему. Он вам передаст. Задание для всей группы. У меня все! Счастливого пути! Ждем вашего возвращения и результатов. Главное – результатов. Они сейчас важнее всего. Для безопасности всей страны!

Хорошенькое напутствие! Сам, дескать, можешь пропадать, а результат выдать обязан... Помню, как-то видел по телевидению выступление одного российского ученого по поводу экспериментов с запуском большого адронного коллайдера в Европе, где наши спецы тоже работают. Этого ученого спросили, что будет, если они в самом деле смоделируют тот самый Большой взрыв, который сотворил нашу Вселенную. Ведь Земля, как кое-кто предупреждал, может погибнуть... На что ученый, недолго думая, ответил: «Ну и что? Зато мы будем знать». Я бы сам таких ученых, честно говоря, расстреливал вместе с их знанием...

В моем понимании, знания даются людям для того, чтобы они служили человечеству. А знания только ради знаний – это просто пустое место. Это вода в водопроводе, который не имеет крана для того, чтобы напоить человека.

Виталий Витальевич отключился от разговора. Я вернул трубку командующему.

– Генерал сказал, что он вам, товарищ полковник, что-то уже сообщил и вы должны нам передать. Нашей группе.

– Да, я уже передал майору Медведю. Он в курсе. Тебе особое задание. Помнишь, где ты первый лист обшивки космолета нашел?

– Так точно, товарищ полковник, хорошо помню.

– Найди снова этот лист, там ты прислал с пробами часть какого-то прибора с небольшим хоботком, выступающим на поверхность.

– Да, помню.

– Так вот, этот хоботок сильно пострадал от соприкосновения с заполнившей ящик пробой. Но кое-что с него удалось соскрести. Есть там какая-то субстанция, частицы которой найдены и на внешней поверхности самого металлического листа. Этими исследованиями не Виталий Витальевич занимается. И задание я получал не от него. Короче говоря, требуется второй хоботок. Точно такой же... Или даже несколько. Это очень ценная вещь, как мне сказали. Ты сам говорил про подобие динамической защиты у космолета. Какое-то там облако было. Наши ученые головы предполагают, что облако вокруг корпуса создавалось, выходя через эти самые хоботки. Некая странная субстанция, которую они назвали «антиплазмой». Если удастся создать такое вещество в земных условиях, наши самолеты и бронетехника станут неуязвимыми для оружия любого земного противника. Но для качественного анализа требуется большое количество хоботков или же небольшое количество вещества, которое через хоботки выбрасывалось на поверхность космолета. А выбрасывалось, судя по всему, в большом количестве. Значит, и хоботков должно быть много. Поищи...

– Товарищ полковник, но ведь гранатомет «РПГ-29» пробил корпус. И никакая «антиплазма» не помогла.

– Я прекрасно понимаю, что на всякий меч всегда найдется свой щит и на всякий щит потом можно выковать свой меч. Мне просто не дано знать, что там произошло. Может быть, космолет был уже в аварийном состоянии и поврежден у него был как раз узел, который качал эту «антиплазму». Может быть все что угодно. Но просьбу специалистов следует уважить. При этом не забывай главной задачи группы. Впрочем, у группы есть командир. Он главную задачу не забудет. Вопросы есть?

– Так точно, товарищ полковник. Я уже дважды слышал намеки про свой взвод и не могу понять, почему автобус еще не уехал.

Полковник усмехнулся.

– Заботишься о своих солдатах?

– А как иначе, товарищ командующий. На то я им и командир, чтобы было кому о них заботиться. Стараюсь по мере возможности...

– И хорошо. Уважаю такую заботу. А солдаты в ответ о тебе, старлей, заботятся. Как услышали, что ты снова в Резервацию отправляешься, сразу несколько человек ко мне напрямую обратилось. Хотят с тобой пойти. Я объяснил, чем это чревато. Тем более говорят, одного командира не отпустим. Я и это тоже уважаю и потому оставил решение вопроса до твоего пробуждения. Сам решай, кого брать, кого оставить...

– Понял, товарищ полковник. Разрешите идти к взводу?

– Иди, старлей Троица...

Глава первая

Генерал-лейтенант Вильмонт обещал, что вертолет «МИ-26» прилетит через час. Но ждать его пришлось почти два. У генерала, видимо, что-то не в порядке с часами. Но старшему лейтенанту об этом говорить и не следовало. Сказано ждать – жди, старлей Троица. Однако уже одно то, что ради нас из Москвы гонят такой громадный вертолет, говорило о важности и значении нашей миссии. Но, видимо, другой техники, более легкой и менее затратной, просто под рукой не оказалось.

Да я и без того понимал, что задачи, перед нами поставленные, гораздо важнее каких-то узких задач, что ставились ранее. Например, локализация и уничтожение банды эмира Арсамакова. Более того, я понимал, что генерал-лейтенант Вильмонт поставил задачи, превышающие по важности все те, что раньше давал командующий, уговаривая меня отправиться в Резервацию в группе майора Медведя.

Короче говоря, я без видимого труда догадался, что перед нами была поставлена задача государственного значения. Практически военная задача, несмотря на мирное вроде бы время. Не международного, что тоже само по себе важно, а государственного, что для меня, как офицера этого государства, несомненно важнее. Есть такие ситуации, когда государственная, вроде бы сугубо узкая задача может оказаться для самого государства значительнее и важнее задач международного характера, хотя мировое сообщество официально и состоит из государств, без разницы, национальных или наднациональных. И уж несравнимо важнее, чем жизни каких-то отдельных лиц или групп лиц, хотя сами эти лица имеют полное право с такой ситуацией не согласиться.

Помню, как-то читал статью о гибели подводной лодки «Курск». Автор сообщал не абсолютно достоверную новость, что экипаж можно было спасти, если бы привлекли к работе норвежцев, которые предлагали свои услуги. Но наше правительство отказалось от этих услуг, и экипаж в результате погиб. Автор статьи ставил вопрос и сам же на него отвечал, на мой взгляд, совершенно неправильно.

Дело в том, что на «Курске» были установлены новые и секретные системы вооружения. А Норвегия – член НАТО. Правительство не допустило натовцев к подводной лодке, чтобы не раскрыть секреты государственной важности. Чтобы не раскрыть военную тайну. На мой взгляд, это было абсолютно верное решение, и обвинять в этом кого-то – совершенно неправильно.

Конечно, каждый матрос, мичман и офицер вправе был сам распоряжаться своей судьбой. Но не все рождены, чтобы стать Александрами Матросовыми. И командование вправе решать, что важнее – потеря боеспособности всего флота и, как следствие, ослабление государства из-за утечки секретных материалов или сохранение жизней членов команды. Наверное, я при этом опираюсь на свое личное понятие воинского долга. Но думаю, что и большинство погибших были со мной одного мнения. Принимать услуги потенциального противника в этом случае было недопустимо. Иное мнение следует расценивать, как государственную измену.

Это то, что относится к задачам государственной важности. В военное время это называется стратегическими задачами. Но, кроме решения стратегических задач, нам предстояло решить и задачи оперативного характера, то есть, используя ту же терминологию, тактические.

Я какое-то время наблюдал за разгрузкой вертолета. Нам, кстати, доставили не только то, что обещал профессор Вильмонт, но и кое-что из того, что заказывал для группы полковник Мочиллов. Группа многократно выросла по численности.

Еще до прилета вертолета, когда я из штабной машины командующего пошел в автобус к своему взводу, меня встретила группа бойцов во главе с замкомвзвода старшим сержантом

Камнеломовым. Ребята выглядели заспанно. Видимо, спали, сидя в автобусе, и проснулись, когда узнали, что я иду к ним.

– Что решили, товарищ старший лейтенант? – сразу поинтересовался Николай Камнеломов.

– Относительно чего? – ответил я вопросом на вопрос.

– Командующий сказал, что оставит решение нашего вопроса на ваше усмотрение. Вы же сейчас от командующего...

– А вопрос-то какой? – Я старательно делал вид, что не совсем понимаю, о чем речь.

– Вы возвращаетесь в Землю Отчуждения?

– Возвращаюсь.

– Мы с вами собрались, если возьмете...

– Возьму, – сказал я категорично и не слишком ласково, хотя меня, не буду скрывать, радовало такое отношение солдат ко мне. – Только сначала подумаю, кого следует брать, а кого не следует. А то у нас во взводе есть такие любопытные что лезут, куда не положено, несмотря на мой приказ...

Я посмотрел на рядового Пашинцева, показывая этим, кого я имею в виду. Он был среди тех, кто меня встречал, следовательно, со мной идти намылился. Рядовой глаза опустил, хотя и он и я знали, что такие обвинения напрасны. Неведомый наш противник моим голосом дал ему команду, которую рядовой и выполнил. И вообще было даже неизвестно, противник ли это. Если команда шла от гигантского «паука», то я бы при определенных обстоятельствах, возможно, попытался смотреть на него как на союзника, нежели как на противника. Связано это было с тем, что я его спас. А противников спасают редко. Чаше противников уничтожают. Тем не менее я высказал укор только для того, чтобы и другим было неповадно попадать в подобные ситуации.

Помимо этого, на моих глазах, после ясного предупреждения, тот же рядовой Пашинцев дважды переступил через след «гуляющего дыма». И никто не знал, что могло бы с ним случиться при этом. Пашинцев на себе поставил, грубо говоря, эксперимент. И не его заслуга в том, что эксперимент дал положительный результат. То есть он остался жив и даже не пострадал. А что бы мы делали при отрицательном результате? Вынуждены были бы стрелять в след? Это, как мне казалось, и глупо, и бесполезно, несмотря на то что след материален, и даже, по словам генерал-лейтенанта Вильмонта, является частью какой-то внеземной информационной системы. Тем не менее стрельба по следу чем-то напоминала расстрел тени.

Во взводе у меня было только три солдата срочной службы. Пашинцев был одним из них. И единственным из срочников, кто вызвался вернуться в Резервацию. Это уже говорило о его характере. Хорошо, когда у человека есть характер, когда у него есть смелость и ответственность. Особенно ценен характер при службе в спецназе. Но в нашей ситуации, как мне казалось, плохо, когда человека обуревают энергия исследования неведомого, неизвестного. Непонятно, к чему это может привести, если при исследовании ставить эксперименты на себе, как уже пытался это сделать рядовой. И потому его кандидатура вызывала у меня наибольшие сомнения. Все остальные были контрактники – люди, проверенные в боевых ситуациях и сложной обстановке.

Мой скепсис в отношении Пашинцева был, видимо, замечен другими.

– Товарищ старший лейтенант, – протянул младший сержант контрактной службы Сережа Рахметьев, взводный гранатометчик, у которого вторым номером в расчете как раз и был рядовой Пашинцев. – Я Виталия полностью под свой контроль возьму. Отвечаю за него.

– А если он снова мою несуществующую команду услышит? – спросил я. – Он у тебя будет разрешение спрашивать, чтобы ее выполнить?

– Товарищ старший лейтенант, там команду в наушники могут вложить любому из нас, – справедливо заметил старший сержант Камнеломов. – И даже вам голосом командующего...

С этим не согласиться было сложно.

– Ладно. Все здесь – кто со мной идет? Или еще кто-то думает?

– Все здесь...

– Ну, значит, и пойдем. Кто во взводе остался командовать?

– Младший сержант Хохлов остался, – доложил Камнеломов.

– Ладно. Пусть Хохлов в карантине будет старшим, а там командование решит...

Командир третьего отделения взвода только недавно выписался из госпиталя после сложного перелома ноги. У меня даже возникали сомнения, брать или не брать его с собой в командировку. Но сломал-то он на занятиях только ногу, а не голову. На марше ему было сложно, я видел, как Хохлов на ходу скрипел зубами, но никому этого не показывал. А с целой головой он сможет до моего возвращения остатками взвода командовать. Тем более значительная часть бойцов, самых опытных и проверенных, авторитетных среди других солдат взвода, решила идти вместе со своим командиром. Это и замкомвзвода Коля Камнеломов, и гранатометчик младший сержант Сережа Рахметьев, и его второй номер в гранатометном расчете рядовой Виталий Пашинцев, и снайпер взвода ефрейтор Валентин Асонов, и командиры первого и третьего отделений младшие сержанты Вася Красников и Стас Твердоглазых, и взводный сапер Саня Глумковский. Семь проверенных бойцов, на которых я всегда могу положиться...

– Они, говорят, в карантин на два месяца попадут... – вставил слово ефрейтор Асонов, но я понял – он что-то недоговорил.

– Говорят, что около того. Точно никто не знает.

– А мы что, к тому времени не вернемся?

– Кто может это знать, – ответил я откровенно...

* * *

Как раз после разговора с бойцами взвода, которые решили со мной отправиться, на горизонте и показался вертолет. Вернее, сначала звук двигателя послышался, а потом уже и сам вертолет вылетел, как будто выехал, из-за ближайшего холма, ограничивающего горизонт с северной стороны. Разгрузка началась сразу и проводилась силами погрузочно-разгрузочной команды, прилетевшей с вертолетом. Солдат моего взвода занимать не пришлось.

Полковник Мочиллов вышел к вертолету и начал поторапливать солдат. Сам груз был сравнительно небольшим. Однако вместе с грузом прилетело несколько человек гражданских инструкторов, как я понял, которые что-то объясняли офицерам группы майора Медведя, а один, задав вопрос командующему, сразу направился ко мне. В руках у инструктора был небольшой, но объемный кейс. Видимо, привез обещанное генералом оборудование.

– Старший лейтенант Троица? – на всякий случай спросил инструктор.

Сам он был несуразно высокий, сутулый, имел чрезвычайно длинные суетливые руки и маленькую птичью голову. Вообще-то забавно смотрелся, даже несмотря на очки, которые чуть-чуть придавали ему солидности. Хотя я слышал, настоящая солидность приходит к высоким людям только вместе с лишними килограммами. Но глаза у инструктора были умные, как у собаки, и смотрел он сосредоточенно. На вид ему было слегка за сорок.

– Так точно. Он самый.

– Я к вам от профессора Вильмонта. Привез спектральную камеру и должен обучить вас ею пользоваться. И еще один простейший прибор. – Инструктор протянул мне кейс, который я принял из рук в руки. – Простой фотографической камерой пользоваться доводилось?

– Конечно, – кивнул я. – И даже видеокамерой. И с планшетника снимаю. И фото, и видео. В дополнение дома имеется экшн-камера. Жена с сыном снимают, как кот играет. Иногда и я пользуюсь. Делаю учебные фильмы для всей роты. Минимальный опыт есть.

– По своим эксплуатационным характеристикам спектрофотометр, так наша аппаратура официально называется, напоминает обычную бытовую фотокамеру. Разница в начинке и в конечном результате, а также в отсутствии видоискателя, что слегка осложняет эксплуатацию. Но не критически. У спектрофотометра очень чувствительная матрица. Если вы попытаетесь посмотреть, что вы сняли, то ничего, не имея специальных знаний, не поймете. Поэтому каждый снимок рекомендую обязательно дублировать во избежание некачественной съемки. Все остальное точно так же, как в простой фотокамере. Единственная разница – спектрофотометр требует сильного освещения. Если будет возможность, объект желательно дополнительно подсвечивать сильными фонарями. Мы уже имели опыт работы с морскими пехотинцами. Они в Сирии, хотя там солнца достаточно, подсвечивали объекты сразу несколькими тактическими фонарями. Прямо со стволов. Даже в дневное время и на солнечной стороне. Камера имеет собственный жесткий диск, но мы соединили его еще и с внешним диском объемом в десять терабайт². Этого хватит на неделю непрерывной съемки. В остальном... Вам ничего настраивать не надо. Настройка установлена на автоматический режим, камера все делает сама. По аналогии с бытовой камерой – нужно только нажимать кнопку.

Я на двух руках, как на подставке, приподнял кейс, инструктор открыл его и вытащил спектрофотометр. Внешне прибор весьма отдаленно напоминал фотокамеру, да и то разве что названием по имени производителя лучших профессиональных фотокамер: «Nikon».

– Ваши действия... Перед съемкой снимаете предохранительную крышку с объектива, на пульте ничего набирать не надо, собьете настройки. Запомните две кнопки, и все. Вот эта, с правой стороны – кнопка включения прибора, вот эта, правая верхняя – кнопка съемки. Что будет показывать монитор пульта, вас касаться не должно. Хотя могу предупредить, что там будет не то, что вы снимаете, а только график, который ничего вам не скажет, – несколько разноцветных кривых линий на системе координат. Мне кажется, все предельно ясно и просто. Повторите, какая кнопка для чего предназначена...

Инструктор, видимо, не понимал, что имеет дело с офицером спецназа ГРУ, или просто не знал, кто мы такие и что подобные тренировки для развития памяти спецназовца – обычное дело. Я лично после пятиминутного изучения в состоянии с минимумом ошибок повторить страницу с набором в пять колонок пятизначных цифровых групп. Буквенные группы повторяю вообще без ошибок. Все за счет фотографической памяти, позволяющей задним числом восстанавливать то, что удалось увидеть. Так, кстати, задним числом могу восстановить номер автомобиля, который проехал мимо меня вчера утром и ничем не привлек к себе моего внимания. Это, кстати, даже в спецназе ГРУ могут делать только единицы. Эти единицы одарены от природы, и не их заслуга в наличии таких способностей. Нас выявляют системой тестирования, а потом развивают память дополнительными тренировками.

Но объяснять все это инструктору я не стал. Может быть, ему вовсе ни к чему знать такие вещи. Спецназ ГРУ не любит рекламу и не нуждается в ней. Это, кстати, единственная силовая структура государства, не имеющая собственной пресс-службы. Но если инструктор попросил – пожалуйста. И я просто и без затей показал две указанные кнопки и повторил их функции, проявив скромность и не показав, на что способен дополнительно. После чего инструктор, уложив в кейс спектрофотометр, вытащил оттуда еще один прибор.

– Грубо говоря, – начал он объяснять, – это по принципу работы что-то близкое к код-грабберу... Слышали про такую воровскую штучку?

Хотя я и не вор, тем не менее, слышал.

– Сканирует и подделывает сигналы автосигнализации, – показал я свою эрудицию в вопросах, в которых вообще-то «плавал», поскольку, имея водительские права практически на все, что может ездить, собственной машины никогда не имел и пользовался только дешевым

---

² Терабайт – единица измерения объема информации. Один терабайт равняется тысяча двадцати четырем гигабайтам.

китайским мотоциклом. Чтобы обладать мотоциклом посерьезнее, я еще, как говорится, званием не вышел. – Автомобильная отмычка.

– Именно так, – согласился инструктор. – Только мы совместили в одном корпусе принцип действия двух воровских приборов – кодграббера, про который я уже сказал, и RFID-ридера.

– А вот что это за штука, я понятия не имею. Наверное, потому, что воровать меня не учили или учили, но не очень хорошо.

Инструктор мою шутку если и понял, то никак на нее не отреагировал, смотрел серьезно и сосредоточенно. У меня появилась крамольная мысль, что он лишен чувства юмора.

– В идеале это устройство для считывания всех данных с пластиковой банковской карточки, предназначенной для бесконтактного использования. Просто провести прибором рядом с карманом, в котором карточка лежит, и все банковские коды считываются. Конечно, наш прибор несравненно сложнее, хотя он в состоянии выполнять как функции кодграббера, так и настоящего RFID-ридера. И вообще, как мы надеемся, он сможет снять информацию с любого ее носителя, самого носителя не касаясь и не повреждая. Делает он это совершенно незаметно. Испытания мы проводили на стационарном компьютере, с которого прибор снял все данные, а компьютер, имея мощную антивирусную программу, этого даже не заметил, как и человек, который в это время за компьютером работал. Он не знал, зачем мы положили ему на стол пластиковый пакет и что в пакете находится. В том компьютере, помимо антивирусной программы, стояла мощнейшая система защиты, которая тоже была скопирована. Эксклюзивная разработка для компьютеров военных институтов. Пресекает любую попытку дистанционного взлома. Сейчас специалисты пытаются научить этот сканер работать через сеть Wi-Fi, чтобы контролировать все компьютеры любой локальной сети без введения пароля.

– Очень полезная вещь для военной разведки, – сразу оценил я и посмотрел в сторону командующего, который уже давал инструктаж группе майора Медведя. Я извинился перед инструктором, знаком приказал старшему сержанту Камнелову отвести бойцов, которые шли со мной туда, к командующему.

– Только я сразу обязан предупредить, что, отдавая свой прибор вам для эксплуатации, мы у себя в лаборатории оставляем только его принципиальную схему, – ничего не замечая вне собственной удивительно маленькой головы, продолжал инструктор. – Второго экземпляра такого сканера, именно так мы пока называем этот прибор, в природе не существует. Комплектующие при сборке использованы очень дорогие, добытые всеми правдами и неправдами из-за границы, вплоть до того, что пришлось использовать агентуру Службы Внешней Разведки, поскольку наша промышленность такие высокотехнологичные вещи пока не производит. Только думает производить... Я представляю, сколько это будет у нас стоить. И весь прибор, соответственно, очень дорогой. Не столько, скажем, в денежном исчислении, сколько в возможности комплектации второго сканера. И потому я повторю слова генерала Вильмонта: сканер следует беречь и обращаться с ним осторожно. Принцип работы у него простейший. Расположить на расстоянии не менее метра от источника информации и включить.

– Как долго должен длиться процесс сканирования? Я же не вижу, что он будет сканировать и когда будет достаточно... Когда, скажем, заполнится память сканера...

Я предпочитал говорить о практической стороне своей работы, мало интересуясь вопросами деятельности самой лаборатории и ее трудностями.

– Чем дольше вы сможете удерживать сканер рядом с объектом, тем лучше. Я не думаю, что вы сможете стоять рядом в течение пяти часов. Объемы памяти у сканера хватит на запись в течение пяти часов. В нашем приборе установлен прекрасный SSD-диск. И объем достаточный, и скорость записи высокая. Я говорю, что вопрос упирается, единственно, в физическую безопасность прибора. Я смотрел ваши видеосюжеты о «гуляющих дымах». И считаю сами столбы дыма опасными. Мы в лаборатории даже пытались сделать спектральный анализ по

вашей видеозаписи. Не знаю, рассказывал вам об этом Виталий Витальевич или не рассказывал... Единственное, что мы смогли определить, столб дыма имеет высокий заряд электрического тока. Возможно, вольт там немного – у нас не было возможности проверить, но количество ампер должно зашкаливать. Еще раз прошу поберечь сканер. Удар мощного тока может его просто изуродовать.

О том, чтобы я поберег себя, инструктор ничего не сказал. Впрочем, это была не его забота, а моя собственная. У меня же мелькнула мысль.

– Хорошо. Данные вы получите по нашему возвращению.

– А если вы не вернетесь? – довольно грубо и бестактно спросил меня инструктор. – Ваша экспедиция считается чрезвычайно опасной...

– Не опаснее обычных командировок, когда мы уничтожаем банды.

– Вы слишком легковесно относитесь к порученному делу, как мне кажется. Но это вопрос не моей компетенции. Что касается моей, то вот здесь, – он вытащил из кейса еще один прибор, размером с портсигар, – внешний диск. Самый обычный, только с гигантским объемом памяти. Соединение через USB-порты. На том и на другом основных приборах тоже есть порты. Нажимаете красную кнопку... Вот эти кнопки... На сканере и на спектрофотометре, и запись будет перекачиваться на внешний диск. Забрать его у вас мы сможем. Ваш командир группы в курсе как. Он обеспечит. Этот заберем, другой пришлем.

– Вас как зовут, уважаемый? – поинтересовался я.

– Алексей Викторович. Я инженер-исследователь из лаборатории профессора Вильмонта.

– Так вот, Алексей Викторович, ваше задание я понял. Но есть у меня и собственные соображения – обратитесь сейчас к людям, что с вами прибыли, загляните к экипажу вертолета – это мне кажется даже надежнее. Мне нужна стеклянная банка и кусок прочной проволоки, чтобы сделать хомут для удержания банки отверстием вниз. Так, я надеюсь, смогу доставить вам пробу вашего электрического дыма. Деревянную ручку я сделаю сам. Можете себя не утруждать.

– Как вы это сделаете? – не понял инженер-исследователь. Вопрос касался, конечно, не ручки, а метода добывания пробы.

– Просто. Приделаю с помощью хомута к банке ручку и зачерпну дым из столба. Дерево не проводит электрический ток. Значит, это безопасно. Но лучше бы вы нашли мне и диэлектрические резиновые перчатки. У механика из экипажа вертолета они должны быть.

– Это было бы великолепно, товарищ старший лейтенант, – взволновался вдруг Алексей Викторович. И, кажется, сильно зауважал меня. – Только имейте в виду, что дым имеет способность подниматься вверх. Банку необходимо будет прочно закрыть.

– Да. Хорошо бы кусок стекла. Стекло тоже не проводит электрический ток. Поторопитесь, а то нам скоро выходить.

– Мне кажется, я видел подходящую посуду в вертолете. Только банку необходимо будет промыть. Там какая-то темная жидкость...

Инструктор ушел в сторону вертолета, продолжая что-то говорить себе под нос, а я направился к командующему.

– Извините, товарищ полковник, меня задержал Алексей Викторович.

– Да, я видел, что ты с полковником беседуешь, – кивнул командующий. – Он, конечно, человек многословный, дотошный, но очень нужный.

– Так Алексей Викторович – полковник...

– Да – это полковник Баранников из лаборатории Вильмонта. Куда он так торопливо поспекал? Чем-то ты его напугал...

– Никак нет. Скорее, обрадовал своим предложением попытаться добыть пробу объекта с высоким зарядом тока.

– Что за объект?

– Столб «гуляющего дыма».

– Вон, полковник уже обратно бежит. Несет что-то... – сообщил майор Медведь. Сам майор в это время убирал в рюкзак к капитану Волкову кусок доски со свежим спилом. Доска была с одной стороны покрашена обычной армейской краской. Я, кажется, догадался, для чего нужна эта доска. Но уточнять пока не стал. Потом само выяснится.

Я обернулся в сторону вертолета.

Алексей Викторович передал мне толстую стеклянную крышку для стандартной стеклянной банки, какую используют для консервированных продуктов. Крышку я взял.

– А что я буду ею закрывать?

– Сейчас механик принесет банку, трехлитровую. Он спирт перелить должен. Полная банка технического спирта.

– Отдал бы нам, – сказал Медведь. – Мы нашли бы, куда перелить, – и демонстративно погладил себя по животу, хотя был, как я знал, человеком непьющим.

– Проволоку для хомутика и диэлектрические перчатки тоже принесет, – не обращая внимания на майора, добавил инструктор.

– Как принесет, будем отправляться, – констатировал Медведь. – Пора уже...

Глава вторая

Конечно, транспорт, чтобы доехать до Земли Отчуждения, был у нас, что называется, под рукой, тем не менее мы пошли пешком, выстроившись в привычную для спецназа ГРУ неровную колонну. Небольшой отряд в одиннадцать человек. Старший сержант Камнеломов радостно постарался и выслал передовой и боковые посты охранения. Охранение должно было передвигаться в пределах визуального контроля вплоть до гор, то есть до места, где кончалась Полоса Отчуждения и начиналась собственно территория Резервации. На сдвоенные посты у нас просто людей не хватало, потому посты были одиночными.

Поскольку я не командовал группой, то и место ведущего занимать не стал. Майор Медведь умел ходить вполне прилично. А как иначе! Он же был офицером спецназа ГРУ. Был когда-то и лейтенантом, и старшим лейтенантом, и капитаном, пока, получив майорскую звезду, не был переведен в штаб. Наверное, засиделся на штабной работе у себя в батальоне, соскучился по нормальным темповым маршам, хотя я несколько раз видел, как офицеры штаба их батальона тренируются вместе с солдатами в различных дисциплинах, даже на «полосе разведчика», что вообще-то не слишком легко даже постоянно там работающим солдатам.

Говорили, что в их батальоне даже существует график занятий по общефизической и специальной подготовке офицеров штаба. Такой у них был в батальоне начальник штаба. Сам форму всегда поддерживал и других офицеров заставлял. Впрочем, это нормальное отношение к штабным офицерам спецназа ГРУ. Слышал я, подобное практикуется повсеместно, только везде по-своему. И батальоны, где такого нет, скорее составляют исключение из правил.

В нашем батальоне, впрочем, ситуация была несколько иная. У нас сам комбат был хорошо подготовлен, занимался и с солдатскими, и с офицерскими группами, и самостоятельно. Точно так же занимались и офицеры штаба, поддерживая боевую форму на должном уровне. Многие даже ко мне во взвод приходили, например, чтобы вместе с солдатами совершить марш-бросок.

Вообще марш-бросок спецназа ГРУ всегда считается кульминацией физической подготовки подразделения. Даже спортсмены-марафонцы не так часто бегают на дистанцию пятьдесят километров. А у нас это обязательное еженедельное мероприятие. Некоторые командиры взводов, правда, предпочитают такую тренировку проводить раз в десять дней. График занятий обычно бывает отдан на откуп командирам взводов, хотя и утверждается командиром роты. При этом я отдаю себе полный отчет в том, что соревноваться со спортсменами-марафонцами на олимпийской дистанции в сорок два километра сто девяносто пять метров³ ни я, ни мои солдаты не в состоянии. Но и марафонцы не всегда сумеют выдержать наш темп так, как это у нас полагается. Мы не практикуем бег на время. Более того, мы бег чередуем с быстрым шагом и даже даем себе время от времени возможность отдохнуть.

Особенно необходимым бывает привал не на тренировках, а в боевой обстановке, где важно сохранить силы бойцов, которые должны были сразу, с марша, вступить в бой. Вот этого у марафонцев нет. Как всякие спортсмены, они все силы тратят только на прохождение дистанции. Им не до боя. У них даже в мыслях такого нет. А за финишной чертой спортсмены падают, как будто пулю получили.

Майор Медведь вел отряд так, как и положено было идти, чтобы не переутомиться раньше времени. Для простых армейцев этот темп показался бы неоправданно высоким, но

---

³ Дистанция в сорок два километра сто девяносто пять метров впервые была применена в 1908 году на лондонской Олимпиаде. Это расстояние от Виндзорского дворца до финишной черты на стадионе Уэмбли было установлено специально, чтобы английская королева с балкона своего дворца могла дать старт марафонскому забегу. Действительное же расстояние от города Марафон до Афин, где проходил первый официальный олимпийский старт марафонского забега, составляет сорок километров.

для спецназовцев военной разведки считался даже щадящим. Бывало, что я задавал своему взводу гораздо более высокую скорость движения. Но – только при необходимости или на тренировках.

Шли мы в траве по уже утоптанной тропе, оставленной моим взводом, когда мы еще не планировали возвращение и не боялись «наследить». Однако едва оказавшись в Резервации, отряд по непонятной причине остановился.

Я поспешил вперед, как человек, уже бывавший здесь и относительно знакомый с обстановкой. Именно по этой причине меня вообще-то и пригласили в группу Медведя. Еще не догнав ведущих, я спросил по связи старшего сержанта, который шел сразу за майором:

– Камнеломов! Что там такое?

– Товарищ старший лейтенант, мы вот тут с товарищем майором думаем, если черная кошка перебежала тропу в одну и в другую сторону, она отменила беду или удвоила ее?

– Какая кошка! – возмутился я. – Откуда здесь кошке взяться! Здесь до ближайшего села семьдесят шесть километров.

– Думаешь, старлей, нам двоим приблизилось? – спросил Медведь.

– Я тоже ее видел, – вставил свое слово капитан Волков. – Даже автомат успел поднять, но она уже в кусты шмыгнула, только кончик хвоста торчал.

– Мелкая такая... – объяснил старший сержант. – И хвост закручивается знаком вопроса то в одну, то в другую сторону. Бежит и мяукает...

– Точно, – подтвердил Волков. – Хвост знаком вопроса...

– Вас уже трое, – констатировал я. – Вы, случаем, вместе с бортмехаником с вертолета банку из-под спирта не мыли?

– Не мыли, старлей. – Майор сделал ударение на моем звании, намекая на несоблюдение приличествующей случаю субординации, заодно прося не хамить старшим по возрасту и званию.

Я понял и промолчал. Вертолетный бортмеханик, когда принес стеклянную банку для проб, так дыхнул на нас, что мы готовы были упасть пьяными. Майора Медведя, как мне показалось, даже основательно шатнуло, как, впрочем, и меня, хотя и в меньшей степени. Наверное, я был более устойчив к алкоголю от природы.

Я вообще обычно отказывался от выпивки даже по праздникам. Единственно, приходилось выпивать на похоронах, которые иногда случались. Однако это происходило редко. Но в этот раз мы не упали, потому, наверное, что брали пример с бортмеханика, который держался молодцом, хотя пьянел стремительно и от нас уже уходил, выписывая ногами непонятные крендельные фигуры.

Я тогда же банку проверил и даже понюхал. Спиртом она не пахла. Вымыта была основательно. Наверное, так же основательно, как выпита. Хотя я сомневаюсь, что одному бортмеханику по силам с тремя литрами спирта за такое короткое время справиться. Но в вертолете было еще пять членов экипажа и погрузочно-разгрузочная команда. Помощники наверняка нашлись. И всем им стало одинаково невыносимо жалко выливать спирт на землю. Потому и не вылили. Но это значило, что в вертолетных баках он сохранится⁴.

Тем не менее трезвая или пьяная кошка в предгорьях откуда-то взялась. Может быть, даже с тем же вертолетом прилетела. Это довольно распространенное явление. Кошки и коты любят забираться туда, куда не следует. Например, под капот машины. И их увозят от дома за много километров. А потом кошка пропадает. А уж в том, что кошка может забраться в салон автомобиля, и сомнений быть не может. Да и салоном вертолета она не побрезгует.

А может, эта кошка возникла из инопланетного космолета. Я сам человек, сказать честно, не суеверный, однако к приметам стараюсь относиться серьезно.

---

⁴ В вертолетах обычно бывает запас спирта, который используется как средство против обледенения.

– Куда шла? Куда ушла? Справа налево или слева направо?
– Шла слева направо, под уклон, – объяснил Камнеломов. – Тропу перешла, но через четыре секунды вернулась назад.
– А что ее вернуло?
– А мы знаем? – на одесский манер ответил майор Медведь.
– Я посмотрю? – спросил я командира отряда.
– Гони... – послал меня Медведь. – Ты, я вижу, кошек не любишь...
– Не то чтобы категорично, но почти так. Я к ним, скорее, равнодушен.
– Ты, Троица, их просто готовить не умеешь, – сказал старлей Лисин.
– А я вот кошатник заядлый, – сказал, как пожаловался, со вздохом Медведь. – И повадки их хорошо изучил. Знаю, что кошка без толку сновать туда-сюда не будет. Ладно. Гони, Троица...

Я шагнул вперед, глядя в высокую траву тремя глазами – двумя собственными и стволом автомата, – и сразу свернул вправо. Кошка тем и отличается от взвода, даже от взвода спецназа, что не оставляет в траве следов. И потому я не знал, пересек ли я траекторию ее движения или нет. Но, уйдя вправо, я натолкнулся на невысокую каменную гряду.словно трактор проехал с плугом и гряду из камней соорудил. Только характерной канавы, что плуг за собой оставляет, рядом с камнями не было. Похоже, эта гряда и заставила кошку вернуться. Почему только? Гряда была невысокой, через нее даже мышь без проблем и сердечных приступов переберется...

Сделав еще несколько шагов, я, кажется, начал понимать, что развернуло кошку. Над частью гряды стояло противное едкое зловоние. Нормальный человек просто повернул бы в обратную сторону, как и нормальная кошка. Но я в данном случае был даже не нормальной кошкой, а человеком был уж точно не нормальным, потому что нормальный не полезет в такую вонь.

Я не был в Америке и не встречался в своей жизни со скуссами даже в зоопарке, но представлял, что они воняют примерно так же. А сейчас я подумал, что это нечто инопланетное дает такие запахи. Шагнул вперед, чтобы увидеть, и увидел. На камне лежал какой-то не слишком большой, сантиметров десять длиной, червяк-многоножка белого цвета. Вонял, вне всякого сомнения, именно он. Я понятия не имел, как скажутся на человеческом здоровье инопланетные запахи, и потому поспешил побыстрее сфотографировать странную многоножку и удалиться.

Только вернувшись к отряду, я сел на камень, и сразу стал отправлять фотографию со своим устным комментарием полковнику Мочилову. Принял он сразу, о чем сообщил быстрый письменный ответ:

«Это не инопланетянин. Эта гадость водится по всему Северному Кавказу и называется белый кивсяк. Многоножка. Правда, встречается не часто. Воняет убийственно. После встречи неделю беспрерывно хочется мыться. Я лично встречался с таким под Майкопом».

Предпоследняя фраза полковника больше всего убедила меня в его правоте. Я только что подумал о том, что хорошо бы сейчас принять душ и смыть с себя всю эту вонь. Причем готов был часом пожертвовать, чтобы час простоять под струями, а потом бегом догонять отряд, хотя после часовой пробежки под кавказским солнцем снова захочется под душ.

Жалко стало, что у меня не было шлема «паука»-птицееда, послушно исполняющего все желания. Удручало при этом не только отсутствие шлема, но и предстоящая неделя мечтаний о душе. Полковнику хотелось забраться под душ в течение недели. Значит, и меня ожидает то же самое. Я вообще-то считаю себя сторонником русской бани с парилкой, нежели простого душа. Тем не менее душ после тренировок принимать приходится обязательно. Иначе вспотевшее тело быстро начнет чесаться и покроеется неприятной коростой. Кожа, чтобы она хорошо дышала, должна быть чистой.

– Что там насчет инопланетянина? – поинтересовался майор Медведь, мельком взглянув в мой монитор. Я протянул ему свой планшетник, хотя майор имел собственный, как и все офицеры его группы, облаченные в комплект оснастки «Ратник».

Медведь прочитал.

– А про черную кошку ты не спросил?

– Прикажете отправить запрос президенту России? – невинно поинтересовался я. – Или хотя бы премьер-министру?

Медведь только недовольно цыкнул, но ничего не ответил.

– Как пойдем? – спросил Камнеломов.

– Обойдем справа, – решил наконец Медведь, как опытный кошатник.

– Помню, в детстве у нас жил рыжий кот Персик, – невзначай вспомнил я. – Так он всех собак в городке гонял. И овчарок, и даже догов. А дворняжки при виде нашего кота сразу в длительные бега отправлялись. На пару недель даже от хозяев прятались и забывали дорогу домой. Ну, что собаки котов уважают, это я еще понимаю. Но впервые слышу, чтобы медведи их боялись.

– Иди первым напрямую, – предложил майор, пресекая мои вольности. – А мы все равно стороной обойдем.

Я усмехнулся, бодро шагнул вперед, через два шага остановился, зажал двумя пальцами нос и свернул вправо. Где лучше совершить обход, я уже знал. Куда они без меня забрести смогут? И где на всех потом большой душ найти? Тут целый водопад потребуется. А водопады в здешних горах водятся только значительно южнее.

Я пошел, отряд двинулся за мной следом. В итоге мы все вместе по большому кругу обошли вонючего червяка, чтобы не пропитаться его едким запахом, и снова вышли на ту же тропу, что использовали раньше. Каких-то временных ограничений у нас не было, и потому мы не торопились, хотя и шли достаточно ходко, в ровном темпе.

Время от времени майора Медведя на месте ведущего сменяли капитан Волков и старший лейтенант Лисин, после которых задавать темп выпадало мне как еще одному офицеру группы. Но я старался придерживаться уже установленной манеры передвижения, не ускорялся и не замедлялся.

Так к началу ночи, когда уже стемнело, мы вышли к предыдущему взводному лагерю. Там и устроили привал на четыре часа, чтобы в дальнейший маршрут выйти до рассвета. С двух сторон недалеко от лагеря валялись тела убитых бандитов, но нас это не смущало. Приведений мы опасались меньше, чем неведомо откуда взявшихся черных кошек. Костер на ночь не зажигали, не зная, чье внимание может привлечь огонь, но посты выставили. Когда есть необходимость, они всегда выставляются. Когда необходимость не очевидна, они все равно выставляются. Когда даже необходимости нет, посты у спецназа все равно на своем месте.

Меньше других в последние несколько суток спали солдаты моего взвода. Я объяснил это майору Медведю, и он без уговоров со мной согласился и на посту в первую смену выставил своих офицеров и меня, поскольку я успел проспять минимально необходимую норму в четыре часа. Вообще-то я мог бы эту норму и сократить, но медицинские светила, проводя когда-то исследование, сделали вывод, что четыре часа как минимум человеку спать необходимо, иначе неизменно теряются силы. Другое дело, когда есть необходимость в бодрствовании. Но после этого все равно спишь столько, сколько привык, иначе встанешь разбитым и вялым.

Мне выпало дежурить на траверсе хребта, на полста метров впереди временного лагеря и почти вплотную к тем пятерым бандитам, которых застрелила из засады группа младшего сержанта Красникова. Убитые меня не волновали. Но прежде чем занять пост, я все же прошел еще два десятка метров, нашел тела бандитов и спугнул ворон, ночующих рядом со своей кормушкой.

Помимо ворон здесь были и какие-то другие существа, летать не умеющие, но стремглав убежавшие при моем приближении. Один раз я успел поднять ствол с включенным тактическим фонарем и увидел мелькнувший в кустах черно-рыжий хвост. Однако при том что хвост был внешне похож на лисий, это была не лиса. Для лисы хвост располагался высокомерно, а бы даже сказал, необыкновенно высоко. Осталось предположить, что в округе водятся красные волки – кавказская разновидность диких собак, живущих большими стаями. Тем более я и раньше слышал про них, хотя встречать не приходилось. Людей красные волки стараются избегать, если только стая не станет слишком большой и возникнут проблемы с кормом. Тогда она может приближаться и к человеческим жилищам. Но сейчас подкормки им должно было хватить не только в этом месте, но и чуть-чуть дальше – на перевале, где были уничтожены основные силы бандитов.

У меня возник вопрос к командиру отряда.

– Товарищ майор, отключите общую связь, если не сложно.

– Готово. Отключил. Есть сообщение?

– Мой взвод здесь бандитов кучу навалил. Хорошо бы по-человечески их похоронить...

– Ночью?

– Я разве это предложил?

– Перед выходом и решим...

– Я не о том. Трупам подкармливаются красные волки. Если мы закопаем тела, волкам есть будет нечего и они за нами увяжутся.

– Красные волки – это же дикие собаки?

– Да.

– Отпугнем...

– Они не из пугливых. Их камнем не прогонишь. Несколько лет назад здесь же, в Дагестане, была история, когда красные волки загрызли двух солдат нашего спецназа.

– Светошумовой миной пожертвуем. Для хорошего дела не жалко.

– Хорошо. Только в лагере будьте внимательны. Других часовых стоит предупредить и в лагере лучше дежурного выставить.

– Я понял, Троица. Медведь – животное понятливое. У тебя все?

– Все, товарищ майор...

* * *

Сменить меня на посту пришел снайпер моего взвода ефрейтор Асонов. Я проинструктировал его в отношении красных волков, запретив стрелять в них даже при том, что ефрейтор имел винтовку «ВСК-94» с хорошим глушителем и не мог своими выстрелами поднять тревогу, – красные волки занесены и в Международную Красную книгу, и во Всероссийскую Красную книгу как исчезающий вид редких животных. Жалко было таких убивать. Правда, я вживую их ни разу не видел, кроме единственного случая, когда при свете фонаря мелькнул хвост, тем не менее, судя по картинкам, они были красивые. А в красоту лично мне всегда стрелять жалко.

Однако тревогу Асонов все же поднял. Только не выстрелами, а голосом. Я благополучно спал, когда сквозь сон услышал голос снайпера:

– Внимание всем! Тревога!

– Что у тебя там, Валентин? – спросил я, еще только просыпаясь.

– Что-то непонятное. Громадное, как слон.

– Стрелял? – вклинился в разговор майор Медведь.

– Оно прямо на меня шло.

– Результат выстрела?

- Свалил... Там лежит, на гребне. Сейчас еще вижу... Гора целая на тропе...
- Мы с твоим взводным идем посмотреть. Нас не подстрели.
- Идите, товарищ майор. Жду...
- Троица... – позвал Медведь.
- Иду, товарищ майор.

Вообще-то он мог бы и сам ко мне подойти, поскольку я лежал самым крайним и находился ближе к посту, нежели он. Но Медведь мог этого не знать. Он просто назначил посты и лег спать. И не видел моего возвращения. Асонова и других сменщиков командир отряда, наверное, будил, как я понял из разговора с моим снайпером, но дожидаться возвращения с постов офицеров не стал и благополучно уснул.

Однако, увидев, как я встал и где в этот момент нахожусь, майор Медведь ждать на месте не стал и подошел ко мне, на ходу кивнув:

- Двинули. Показывай...

Я обогнал его, чтобы показать дорогу. И только на подходе к посту Асонова поднял бинокль с тепловизором. И сразу увидел впереди сильное свечение. Но не мог предположить, что это такое. Светилась настоящая гора. Поднялся на ноги при нашем приближении и ефрейтор.

– Похоже, ты в самом деле слона подстрелил, – сказал я, хлопая ладонью по своему биноклю с тепловизором.

– Хобота не видел, товарищ старший лейтенант. И по фигуре больше носорога напоминает. Я ему три пули между глаз пустил. Только после этого свалился.

– Оставайся на месте, – распорядился я. – Страхуй нас. Хотя я не думаю, что инопланетные космолеты в массовом порядке доставили за землю стада собственных боевых слонов.

Майор Медведь молча смотрел в тепловизионный прицел своего автомата. Я заметил, что предохранитель на оружии майора уже опущен в положение автоматического огня. Он явно опасался чего-то непредвиденного.

Я, когда опасаясь, предохранитель все же опускаю в последнюю очередь. Хотя затвор передергиваю перед выходом и досылаю патрон в патронник. Но потом ставлю оружие снова на предохранитель. Привычка. Но поведение бойца в сложной обстановке обуславливается привычкой. Кому как удобнее...

И привычки у каждого свои, и по одной привычке не следует делать вывод о том, что человек собой представляет, насколько он склонен к осторожности или, наоборот, любит резкие непредвиденные движения. Вообще, как говаривал наш комбат, осторожность – это когда я боюсь, а трусость – это когда боится другой.

- Идем, товарищ майор?

– Идем... Надо посмотреть, что там такое большое. Мне почему-то кажется, что это не бандит и не «паук»-инопланетянин. И даже не красный волк.

Что это не красный волк, я готов был согласиться. Красные волки, как мне говорили, размерами чуть поменьше овчарки, хотя и отличаются большой силой и быстротой. Манерой своего поведения ни собак, ни волков не напоминают. Волки с людьми встречаться не любят и нападают, бывает, только сдуру или с голоду. Служебные собаки, наоборот, нападают сразу. А красные волки сначала уходят, а потом могут исподтишка напасть. Но тоже редко.

Идти нам было недалеко, всего-то метров тридцать, которые мы преодолели стремительным шагом. Но еще с десяти шагов стало видно громадную тушу, что лежала на боку прямо посреди проложенной накануне взводом и бандитами тропы. Это был кто-то крупнее быка, но явно меньше слона. Я включил привинченный к планке Пикатинни⁵ тактический фонарь в

---

⁵ Планка Пикатинни – кронштейн, система рельсового интерфейса для унифицированного крепления прицелов и периферийной оснастки различного оружия. Располагается обычно на ствольной коробке или на цевье. Одинаково ставится как

градации «лунный свет», как можно сильнее «распустил» точку, но точка была все же слишком сильной, а потому узкой. Пришлось отойти на восемь шагов, чтобы что-то рассмотреть.

– Вот это кабан! Кабанище, я бы сказал. Такого кабаном звать не хочется. Это просто сказочный вепрь, иное название не подходит, – заметил майор Медведь.

Мне очень хотелось, просто язык чесался сказать, что это настоящий медведь, но я не рискнул. Майор мог и не понимать дружественного характера шуток младшего офицера. Но кабана ростом под метр восемьдесят в холке я никогда не встречал. Обычно самые высокие едва-едва достигают метра.

На тропе же в самом деле лежал кабан необычайно огромных размеров. Сам он был довольно плоский, как многие из кабанов, но рост имел необыкновенно большой. А возвышался над тропой настоящей кавказской горой потому, что упал, придавив боком, два бандитских тела, и без того лежащих одно на другом. Это не он убил бандитов, хотя такому зверю это было бы, на мой взгляд, проще простого – стоит на его клыки посмотреть. Эти бандиты залегли здесь от пуль солдат из отделения младшего сержанта Красникова. И когда мы забирали у них документы, они уже лежали так, один на другом. Я, помнится, даже сфотографировал их в этой позе, хотя потом фотографировал лица. Но лица их сфотографировать было возможно и не растаскивая тел. Оба лежали на спине. А теперь на тела навалилось еще тело гигантского кабана, и потому кабан казался вдвойне гигантским.

Но даже в реальности это – что-то невообразимое. Я никогда не думал, что кабаны могут достигать таких больших размеров. Я слышал, что маньчжурские кабаны изредка встречаются весом до полтонны, но наш экземпляр, на мой взгляд, весил килограммов на двести больше, достигая габаритов средней лошади.

Майор Медведь поставил на плечо кабану ногу, рядом с ногой пристроил приклад своего автомата, уже поставленного, кстати, на предохранитель. Мне даже подумалось, что он захочет в позе охотника сфотографироваться с чужой добычей. Но, видимо, майор вовремя понял, что для фотографии сейчас слишком темно и света даже нескольких тактических фонарей будет недостаточно. Если будет видно кабана, то не будет видно его. Если будет видно его, то не будет видно кабана. Так можно фотографироваться, просто поставив ногу на камень, и всем потом говорить, что это кабан или лев, или слон – без разницы, все равно никто не разберет. Но, как оказалось, Медведь элементарно задумался в героической позе удачливого охотника.

– А вообще в природе такие кабаны бывают? – спросил майор.

– Я таких не встречал. И не слышал про таких.

– Ты охотник?

– Спасибо, я не голоден... – ответил я замысловато, но Медведь, вероятно, в силу своей фамилии, меня понял.

Охоту и охотников я признавал только в том случае, если человек с голода пухнет и должен добыть себе и семье пропитание. Во всех других случаях охота казалась мне бессмысленным и жестоким убийством. Майор, похоже, придерживался того же мнения. Меня, как, наверное, и его, обучали на курсах выживания ловить и есть змей, лягушек, ежей, и даже в сыром виде, так, чтобы не отравиться, обучали ставить силки на зайцев, чтобы это могло прокормить бойца в трудные моменты жизни, например, где-то в тылу врага, в окружении. Но нас не учили убивать животных ради убийства, из глупого спортивного интереса, и любоваться плодами своего технического превосходства – оружия. Нелюбовь к охоте и охотникам мы испытывали, похоже, оба, как и большинство офицеров спецназа ГРУ. И я уважал за это майора Медведя.

– А вообще, ты много кабанов в своей жизни видел?

– Не много, но видел. Здесь, на Кавказе встречал многократно. К деду в отпуск ездил несколько раз – в Белоруссию, в деревню, там в лесу встречал. Здесь они светлые, блондинистые, в Белоруссии – брюнеты, почти черные...

– Какие самые крупные были?

– Килограммов под сто пятьдесят, как-то раз видел секача под двести килограммов.

– А этот? Сколько в нем, как думаешь?

– Шестьсот пятьдесят – семьсот. Крупнее маньчжурского. А тот – полтонны...

– Вот у меня мысль возникла. А земное ли это создание?

На этот, по сути своей, гипотетический вопрос отвечать было совсем необязательно. Но я тоже попытался поразмышлять.

– То есть, товарищ майор, вы предполагаете, что «пауки» завезли сюда своих кабанов?

– Может и так стать. А может, просто какое-то влияние на местную фауну оказано, и кабаны стали расти.

– За три дня? За три дня так вырасти нереально. Тело может расти, но сердце за телом не успеет. Точно так же не успеют сосуды такое тело снабжать кровью. Произойдет то же самое, что происходит с «качками», сидящими на стероидах. Мышцы будут разрастаться в ущерб всему организму. И организм сам по себе начнет дряхлеть.

– А кто сказал, что этот кабан был физически здоров? – не согласился Медведь. Ему, видимо, сильно понравилась собственная мысль. – У такого зверя могло быть и сердце надорвано, и сосуды никуда не годились.

– Может быть. Тем не менее за три дня так вымахать – это нереально.

– Да что ты, Троица, уперся в эти три дня. Если существует база инопланетян, если существует рудник, про который говорят, то они здесь уже давно осели. И научились прикрываться от наших радаров. Это вполне реально. Наши же средства РЭБ⁶ прикрывают передвижения войск и техники от американских спутников.

Против этого мне возразить было нечего. А как возражать, если катастрофически не хватает информации о том, что здесь происходит сейчас и что происходило раньше. Я только плечами пожал.

– Возвращаемся... – предложил Медведь.

– Эй... – вдруг послышался слабый голос...

---

⁶ РЭБ – средства радиоэлектронной борьбы. Знаменитая станция РЭБ «Красуха-4» перекрывает радиус в триста километров, и не позволяет электронным средствам обнаружения видеть, что происходит на «покрываемой» территории, парализует в секторе прикрытия любую деятельность электроники, включая связь, не дает возможности спутникам противника заглянуть под свой «купол».

Глава третья

Первое, что я подумал, – внезапно ожил один из наших покойников. По крайней мере, голос мне показался страдающим и болезненным, едва слышным. Тем более мы оба были в боевых шлемах и уши наши были прижаты наушниками. Но я сам просматривал всю площадь в тепловизионный прицел. И он показал бы свечение тепла живого организма, если бы кто-то из покойников оказался просто раненым, а мы при осмотре не обратили на это внимания, посчитав его за мертвого.

– Эй... – Зов повторился, и в этот раз майор Медведь показал свой звериный слух, среагировав правильно, определив, откуда раздается звук. Он сразу вскинул автомат и прильнул глазом к прицелу.

– Эй, не стреляй... – теперь, когда после междометия прозвучало слово, явственно послышался кавказский акцент.

Но я-то догадался, что Медведь и не собирался стрелять, хотя и положил большой палец на предохранитель своего автомата. Он просто смотрел через тепловизионный прицел, определяя, кто перед ним.

Я сунул приклад своего автомата под мышку, готовый стрелять с пояса, и опустил предохранитель. Голос звучал близко. Но майор тут же предупредил:

– Один человек, без оружия. Руки держит за головой.

– А на шее сзади граната... – предположил я.

– Думаешь, сразу голову ему вместе с шеей отстрелить? Я вообще-то могу.

– Я тоже готов. Но, может, спросим его вежливо, чего он хочет, зачем зовет?

– Эй, ты, – вежливо крикнул Медведь. – Какого тебе хрена надо? Говори, но сам не высовывайся. Могу я тебя подстрелить, может мой напарник, может снайпер...

Ассонов услышал наши переговоры через систему внутренней связи, включил лазерный прицел и навел красную точку прямо в глаз бандиту. Видимо, майор эту точку увидел, потому и сказал про снайпера. Сам бандит голову отвернул, чтобы лазерный луч не бил в глаза.

– Я с предложением от эмира Арсамакова пришел. Эмир клянется, что хочет мирно поговорить. Сотрудничать хочет. Мамою клянется...

– Его мама умерла еще в начале года. – Я показал, что хорошо изучил биографию эмира.

– Ее памятью... – поправил себя бандит.

– Что он хочет? – спросил майор.

– Поговорить хочет. Командира к себе в гости зовет.

– А вот это вряд ли, – предельно спокойно, ни на децибел не повышая голоса, продолжил я почти ласково. – Хочет поговорить, пусть сюда приходит. Один. И постоянно на прицеле у нас будет. Он уже пытался нас обмануть. Таким «друзьям» мы не верим. Так и скажи, что я его обманщиком считаю и зову так хоть в глаза, хоть за глаза. И верить ему не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Если у него есть какие-то предложения, пусть подумает, как ему меня убедить. Пусть очень постарается подумать, иначе я его просто уничтожу.

Майор Медведь посмотрел на меня и деловито кивнул, соглашаясь с тем, что я в данных обстоятельствах взял на себя роль командира отряда. В самом деле, майор Медведь никогда плотно не занимался материалами на эмира Арсамакова, никогда против него не действовал и не знал его манер. Это автоматически требовало конкретных действий от меня. Именно из-за этого командующий уговаривал меня вернуться в Резервацию.

– Что скажешь? – спросил я собеседника. – Долго соображать будешь?

– Мне нужно пойти к эмиру и передать ему, что ты сказал. Если он тебе поверит, он придет. Какая гарантия безопасности будет с твоей стороны?

Я мог бы дать слово офицера, но предпочел не делать этого. Я решил действовать с Арсамаковым только так, как он, в моем понимании, того заслужил.

– Я никакой гарантии давать не буду. Если он заинтересует меня своим предложением, я могу согласиться, могу не согласиться, но мне, возможно, нужно будет время, чтобы подумать. Если вообще не заинтересует, я просто пристрелю его, и этим все закончится. Твой эмир не такая уж большая величина, чтобы с ним считаться. Это не только мое мнение. Это мнение моего командования. Иди к эмиру. Сколько времени тебе понадобится?

– Около двух часов, – нетвердо сказал бандит.

– Даю тебе пять минут. Если через пять минут эмир не будет здесь, может вообще не приходить. Я найду его и уничтожу...

Я говорил предельно жестко, безжалостно, без всякого уважения к Арсамакову, что, как мне показалось, больше всего удивляет и даже возмущает моего собеседника.

– Я засек время. Иди...

– Я не успею за это время дойти до Арсамакова.

– Тогда просто встань, перейди со склона на середину тропы и сядь на камень. Видишь камень справа от тебя? Это и есть твое место.

– Я не получу пулю в спину?

Он был не из безрассудно отважных людей. А чрезмерная осторожность уважения никогда не заслуживает.

– Зачем нам твоя спина? Ты уже мог получить пулю в лоб или в глаз, куда смотрит своим прицелом снайпер. Время пошло...

Ему не требовалось далеко идти, понимал я. Я видел при свете звезд и «лунного света» своего тактического фонаря, как мой собеседник жестикулирует. И понимал, что эмир Арсамаков передо мной. При всей его подлости и желании всегда устроить противнику ловушку, личной храбрости эмиру хватало. Об этом говорили разведдонесения и показания осведомителей – иногда рискнуть он себе позволял. Я подозревал, что у него не осталось людей и потому он пришел сам. Не побоялся. Эмир видел в этом свой единственный шанс.

Он двинулся в сторону протоптанной тропы. Сел на камень, на который я указал. И стал ждать. Но я решил все же подстраховаться. Прижал микрофон ближе ко рту и прошептал:

– Коля! Камнеломов! Слышишь меня?

– Слышу, товарищ старший лейтенант.

– Запусти свой беспилотник, пусть следит за нами. Я буду беседовать с эмиром Арсамаковым. Он сейчас здесь. Подстрахуй, чтобы никто не подобрался в ночи.

– Беспилотник готов. Запускаю.

– Сейчас подойдет майор Медведь с моим планшетником. Смотрите вместе, что там и как. И докладывай мне, чтобы я знал. Мне могут понадобиться аргументы.

Я вытащил из специального кармана на груди планшетник, передал его Медведю. Показал, как переключаются камеры. Мои слова до Арсамакова не долетали.

Майор, похоже, с программой работать умел, потому только кивал и вопросов не задавал. Только перед уходом спросил:

– Ты уверен, старлей, что мы разговаривали с Магометом Арсамаковым?

Меня даже сомнения не посещали.

– На все сто процентов, товарищ майор.

– Что он сможет нам предложить?

– То же самое, что предлагал, когда собирался заманить взвод в ловушку. Предложит показать базу «пауков» и рудник. Это его единственный путь к спасению. Он рассчитывал стать местным властителем с собственным войском. Но мы прошлой ночью все его войско уничтожили. Теперь он – никто, и некому за него заступиться. Он желает своей помощью нам купить себе прощение. Но я обещать ему прощение не уполномочен.

– Да, ты уж будь аккуратнее в обещаниях.

– Я буду разговаривать с ним предельно жестко. Может, слегка побью...

– Удачи... – Майор повернулся и пошел. Пошел и я. Туда, к камню, на котором сидел эмир Арсамаков. В пяти шагах от эмира лежал второй камень, более высокий. Да и сам я ростом на полголовы выше Магомета. И потому я пожелал сидеть так, чтобы разговаривать с ним сверху вниз. Он выбрать сразу более высокий камень не мог. Тогда ему пришлось бы сесть спиной к нам. А он этого опасался. С одной стороны, понимал, что мы, поскольку не стали стрелять в глаз, не будем стрелять и в спину, с другой стороны, не опасался, а именно боялся повернуть свою спину нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.